

Дим Ко Гардэ

Болевые точки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дим Ко Гарде

Болевые точки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49574264

SelfPub; 2023

Аннотация

Бывают в жизни ситуации, когда безумно хочется хлопнуть дверью. Эффектно, сильно, но абсолютно глупо. Лично я, хлопал дверью несколько раз, и это плохо заканчивалось. Для меня... Герои рассказов живут среди нас. Работают, отдыхают, смеются, плачут, влюбляются, расстаются, болеют, исцеляются. Наверное, это и есть жизнь во всех красках бытия. Не стоит искать в рассказах прототипов. Образы собирательны, выдуманы, навеяны ветром странствий. Приятного времяпрепровождения. С уважением к читателю – Дим Ко Гарде. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Борода	4
Дымок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Дим Гарде

Болевые точки

Борода

Сашка не был на Родине почти два месяца. Это его не угнетало, да и не печалило особо. Двадцати лет отроду, сильный, коренастый, крепко сбитый деревенский парень. Время, что выпало на его молодость, было «лихими девяностыми», как принято говорить нынче, прошлого столетия.

Ему бы самое время науки в вузе грызть, но времена гнусные да корявые по своей сути. Видно, звёзды выстроились так, что после 11 классов Александр пошёл работать на местную пилораму, а уж после прибился к «шабашникам», что гоняли «за длинным рублём» в Москву и Подмосковье. Брали подряды на строительство коттеджей, ремонт квартир.

«Копеечку трудовую заработать нужно, пот проливая!» – таков наказ был от деда, и с этим наказом Сашка вступил во взрослую, самостоятельную жизнь.

– Бородушка моя! – Сашка приглаживал уже мягкую щетину первой в своей жизни бороды. – Домой вернусь, сразу к девчонкам! Бородой буду их нежную кожу на щёчках ласкать! – зажмурил глаза и предался лёгким грёзам Александр.

– Так-то оно так. Только домой завтра, а до отъезда всё

может случиться! – загадочно улыбаясь, буркнул Димон и уткнулся в новомодный журнал с оголёнными девицами.

Бригада строителей работала в ближнем Подмосковье на строительстве коттеджного посёлка. Времена «лихих девяностых» широкой поступью шагали по стране. Страна, в которой жили Сашка и Димон, в один день распалась на определённые составляющие. Это уже после станут спорить политологи и директора «институтов глобализации», «проблем интеграции», «социальных потрясений» и т. д. и т. п., а вот на тот момент миллионы Сашек и Димонов стояли на распутье. Либо в строители на «шабашку», либо в пехоту для бандитов. Хотя можно и оспорить.

Лидеры новообразованных стран были заняты постройкой базиса под новообразования, а уж что там с народом, это уж после разберёмся. Короче, естественный отбор в жизнь! Выживает сильнейший!

Строительной специальностью ни Сашка, ни Димон не владели, и посему трудились «на подхвате» у мастеров-строителей. Сашка рассматривал свою бороду в осколок зеркала и не скрывал своего удовлетворения. Димон также не пользовался бритвой и имел на лице растительность из редких рыжеватых волос.

Работы окончены, сборы коротки. Утром приходит микроавтобус – и на Киевский вокзал, прямо к поезду. Девять часов перестука железнодорожной песни колёс, и ты уже в родных пенатах. Непривычна процедура прохождения тамо-

женного и пограничного досмотра, но что поделать. Веяние нового времени.

– Димон! – обратился Сашка к товарищу. – Я в душ пойду!

– Иди! – не отрываясь от глянца, ответил тот.

– У меня борода лучше, чем у тебя! – с довольным видом подытожил осмотр растительной гущи на лице Сашка.

– Это чем же? – посмотрел на друга Димон.

– Она густая и чёрная, не то что у тебя, реденькая, рыжая! – засмеялся Сашка.

– И что с того? Всё одно сбривать придётся.

– Как сбривать? – округлил глаза Сашка.

– Конечно, сбривать! – удовлетворённо вздохнул Димон.

– Вот тут не понял?

– Ну а как ты паспортный контроль на границе пройдёшь?

– А при чём тут граница? – в полном замешательстве Сашка присел на скамью.

– Ну, у тебя фотография в паспорте с бородой?

– Нет.

– Так вот в этом-то и дело! Это же как на удостоверении водительском.

– Чего? – не понимая сути происходящего, вопрошал Сашка, пребывая в полной растерянности от надвигающейся на него опасности расставания с бурной растительностью на лице.

– Ну, вот если ты носишь очки, по состоянию зрения, и

водишь автомобиль в очках. У тебя в удостоверении фотография должна быть, где ты в очках.

– Да ладно! – охнул Сашка, и сердце его оборвалось от убийственного аргумента. – И что? Сбривать?

– Можешь не сбривать! Из страны не выпустят, да и только.

– А ты тоже побреешься?

– У меня тоже фотография в паспорте без бороды.

Димон уткнулся в журнал, всем видом показывая окончание разговора.

– Блин! – в полном разочаровании Сашка ушёл в душевую, прихватив с собою бритвенный прибор.

В душевой Сашка приступил к брадобрейству. Ножниц не было, и посему Санёк с остервенением рвал щетину бритвенным станком.

Зрелище было не для слабонервных. Из душевой то и дело несло убийственное сквернословие. Похоже, что упоминание падшей женщины и сам процесс, ввиду которого это падение происходило, облегчали адские муки Александра.

Через полчаса Александр вышел из душевой. Сияющим от отсутствия растительности на лице и покрасневшим от воздействия отупевшего лезвия на кожу того же лица. Похлопывая себя ладошками по выбритым наголо щекам, Сашка прошёл мимо Димона.

– Если бы я знал, что это так больно, то брился бы каждый день.

– Да уж... – вздохнул Димон, и, взяв полотенце с предметами для мытья, пошёл в душевую.

Через пятнадцать минут он вышел из душевой в приподнятом настроении и с улыбкой на лице. Поглаживая нетронутую лезвием бритвы бороду, он посмотрел на Сашку.

– А сейчас-то у меня борода намного лучше твоей!

– А ты чего не побрился? – в недоумении смотрел на товарища Александр.

– А зачем? Борода мне идёт! Как-то brutальнее выгляжу. Да и девчонок удивлю!

– Так... Ты же... Про фотографию в паспорте... Что на границе...

– Да я пошутил. Нет такой функции у пограничников. Я думал, ты понял.

– Козёл ты! Это нечестно! Иди брейся!

Сашка метал громы и молнии, а Димон смотрел на него, как взрослый смотрит на неразумное дитя, пытающееся быть на уровне взрослого, но не владеющее для этого уровня ни необходимыми знаниями, ни опытом.

Из сельского жития

Утро выдавалось мрачным. Головная боль от мутного самогона, что пили за баней, выдавливала темя и рвалась наружу. Возвращаться к жизни не было сил. Юрка выполз из постели и прошёлся по прохладному деревянному полу горницы. В передней возилась тёща, громокая посудой да ка-

стриюлями.

– Здравсте, мама! – прогундосил зять и зачерпнул ковшом воды из стоявшего на скамейке ведра.

– Проснулся, поганец! Когда же ты нажрёшься так, штоб сдохнул! Скотина!

Под тёщину ругань ещё не совсем трезвый Юрок пил студёную воду мелкими, короткими глотками. Зыркнув на старенькие ходики, отметил, что жена уже на работе.

«Хорошо, хоть не на дежурство сегодня, а то совсем беда...» – успел подумать Юрок.

– Хоть бы портки надел! Бесстыжий! – всё ворчала тёща.

Баба Маня – семидесятилетняя крестьянка. Всю свою жизнь трудилась в колхозе, а когда тот прекратил своё существование, то уж на своём подворье.

Утро в деревне начинается с трудов праведных, а завтрак – это уже после. Юрка переставал быть крестьянином, как и все односельчане его возраста. После окончания средней школы молодость стремительно рвалась в пролетарии. Пусть это общежитие ПТУ, пусть желудок забывает парное молоко, сметану, масло да бабкины пироги. Всё это ерунда. Главное – просыпаться в тепле. Не кормить поутру скотину. Забыть запах навоза да хрюканье свиней в хлеву. Не таскать пятнадцатилитровыми вёдрами воду из колодца да зимою не чистить снег во дворе.

Так Юрка стал пролетарием. Только задул «ветер перемен», страна вздрогнула, но устояла. А после...

В городе жить стало совсем нелегко. Предприятие, где трудились Юрок с женой, сокращало производство. Зарплату урезали, да и ту выплачивали крайне неаккуратно. Вчерашний рубль к рассвету нового дня превращался в копейки. Пришлось с женою перебираться к теще. Детям в городе оставили жильё, а сами в деревню.

Юрка устроился недурно. Работал охранником на испытательном полигоне. То было чудное место на берегу реки. Сосновый бор скрывал в себе двухэтажный особняк. Это был объект Министерства обороны, ещё советского, а после и новоиспечённого государства. Местные жители прекрасно знали, что не полигон это, а так, генеральские уголья. Вот туда Юрка и попал в охрану. А что! Сутки на дежурстве, после – трое дома. Очень удобно для ведения домашнего хозяйства.

Выйдя в холодный коридор, Юрка надел резиновые галоши и пошёл в сторону нужника лыжным шагом. Галоши были размера на три больше.

«Опохмелиться бы...» – с тоскою забила синицей оголтелая мысль в мозгу, но денег только на чекушку, да и то... Тёща цербером будет на калитке стоять. Галка, Юркина жена, точно объявила «комендантский день» для мужа.

Горестно вздыхая, побрёл тем же маршрутом к крыльцу. Уныние Юрку было неведомо. Он был мастер на всякие штуки. Улыбка на его лице блеснула эдаким бесом в мутном утре ноября.

– Мама, может, вам подсобить чем по хозяйству? – ласко-

во и с виноватым видом спросил Юрок спину тёщи.

– И не проси! Опохмелиться не дам! Галина велела!

– Вот же! Ещё чего! На опохмел у меня деньги водятся! – с горделивой обидой ощетинился Юрок.

– Да иди ты! «В кармане блоха, да и та плоха!» – в сердцах отмахнулась тёща.

Юрок порывлся в кармане форменного бушлата, что ему выдали, как охраннику, на службе. Выудил из недр несколько купюр и монетки. Демонстративно их подсчитал и с видом Гарун-аль-Рашида молвил:

– Пойду четвертинку себе возьму!

Тёща молча взирала на это действие, и было видно по ней, что внутренняя борьба за денежные знаки в её подсознании, вопреки просьбе дочери, склонялась в пользу денежки.

– Тебе бы только деньги из дому вынести. Давай я тебе продам! – тёща, сама того не желая, ступила на тонкий лёд сговора, предавая интересы дочери. Но что тут скажешь, коли самогонные реки лились по деревне.

Гнали самогон, в основном на продажу, практически в каждом дворе. Спаивали соседских мужиков, пришлых рабочих, молодёжь. Морально-нравственные аспекты уходят на второй, а то и третий план, коли самогонная нажива является единственным источником дохода.

Зять мельком взглянул на тёщу и молча положил две купюры на стол.

– Тут же больше чем на четвертинку, а сдачи у меня

нету! – развела руками тёща.

– Мама! Что за разговор? Пусть, то вам за сервис, так сказать.

Тёща молча смахнула купюры и подошла к настенному шкафу. Молча открыла дверку и сунула деньги под жестяную коробку с лекарствами. Там лежали карбованцы «с горелки», так тёща называла выручку с продажи самогона. Деньги эти она пускала в оборот бюджета лишь на несправедливые дела. Заплатить за свет, дрова, уголь. Так как считала, что праведное дело – это внуки, дочь, здоровье, одежда, корм для скота и сама скотина.

– Жди! – коротко бросила она в сторону зятя и пошла из дома в сторону погреба, что исполином стоял в углу подворья.

Юрок посмотрел в окно и, удостоверившись, что тёща, открыв навесной замок, скрылась за массивной дверью, опрометью метнулся к настенному шкафу. Вынув из-под банки свои купюры, он аккуратно поставил жестянку на место, сохранив «пейзаж» нетронутым. После прошёл в горницу и натянул на себя спортивные брюки, что служили ему домашней одежкой. Свитер, что достался от сына, с броской надписью по животу "BOYS".

Тёща уже входила в переднюю. Юрок пошёл на звон стекла. То тёща доставала ему рюмку и нехитрую снедь из холодных деревенских закусок. Сало с проростью, солёные огурцы, хлеб, репчатый лук, варёный картофель в чугулке.

Юрок вышел в переднюю и приступил к трапезе. Тёща заметно подобрела к зятю на фоне свершившейся финансовой сделки.

Нерадивый зять махнул рюмку и захрумкал маринованным огурчиком.

– Что в деревне? Новости какие, а, мам?

– Да ничего особого нету. Бабу Параску схоронили, так ты это знаешь.

Юрка молча кивнул головой и махнул вторую рюмку.

Продолжая утреннюю трапезу, он слушал тещу, а сам крутил в голове мысли.

Оглядевшись, он почувствовал, что муторное утро отступило и мыслям в голове уже стало свободно.

Вылив в рюмку остатки самогона, он отставил её в сторону.

– Пойду на двор. Гляну, что там в хлеву, да почищу у свиней, – твёрдо сказал он и встал из-за стола.

– О! То дело! – удовлетворённо кивнула головой теща и стала прибирать посуду со стола.

Уборкой это вряд ли можно было назвать. Тарелки с продуктом просто накрывались другими тарелками и выносились в холодную веранду, где и покоились на столе до следующего потребления снеди.

Пока Юрок надевал сапоги, теща выносила посуду. Надев обувь, он потопал сапогами об пол, чтобы те хорошо сели по ноге. Взял рюмку с водкой и опрокинул ту в рот.

Юрок вышел во двор и пошёл к хлеву. Он честно трудился в течение часа.

Грузил свиное дерьмо в тележку и свозил в огород, что начинался прямо за хозяйственными постройками. Там была навозная куча, накрытая полиэтиленом. По углам прижатая кирпичом да досками. Это удобрение для следующей посевной. Картофель – основная сельскохозяйственная культура, с неё и жили. Ею питались, кормили скотину, продавали, обменивали на растительное масло и т. д.

Сделав работу, Юрок вошёл в переднюю и обратился к теще:

– Ну что, мама, я там всё сделал. У меня ещё есть четыре гривны. Может, продадите четвертинку.

Маму долго уговаривать не пришлось. Транзакция деньги-товар происходила с задержкой доставки товара. Юрок отдал деньги, те переместились в настенный шкаф, под жестяную банку. Выдача бутылки через пять минут, но снова всё на доверии. Бутылка на столе, деньги у Юрки в кармане. Тёща вносит снедь. Юрка выпивает, закусывает. Тёща молчит, но ещё в «союзнических» отношениях с зятем.

Допив самогон, Юрок выходит за калитку. Смотрит на прохудившийся штакетник у палисадника: «Столб заменить или постоит ещё?»

Раздумий на минуту, и вот уже штакетник отделён от прохудившегося столба. Через два часа работы Юрок заваливается в переднюю и предлагает теще сделку.

Та уж и не рада, но, видя результаты проделанной работы, отмечает все сомнения, да и будем честны – алчность берёт верх над здравым смыслом! Сценарий тот же, но отличие в том, что после третьей четвертинки Юрка уже чуть пьян. Тёща возится с чугунами в печи, так как готовит варево свиным. Запах варёной картошки «в мундире» – это обычно для крестьянского дома.

– Так! – Юрка уже хмельной, но хочется ещё. – Давайте, мама, мне ещё одну, и я спать! Потрудился сегодня на славу!

– Оно-то, конечно, да! – подала голос тёща. – Только вот напился снова. Галя придёт с работы, ругаться на меня станет. Ты уж не говори ей, что я тебе продавала.

– Могила! – утвердительно кивнул головою Юрок.

Сложно поверить, но всё повторилось в том же порядке.

После очередной выпитой рюмки Юрок смотрел в окно осоловелым взглядом.

Тёща присела на табурет и сложила руки на льняном переднике.

– Ох и дурак же ты, Юрка!

– Чегой-та? – перевёл взгляд на тещу наш герой. Образ женщины чуть расплывался в затуманенном алкоголем подсознании.

– Шестнадцать гривен пропил сегодня. Разве ж не дурак?

Юрка молчал. Пауза затягивалась. Тёща ликовала! Крыть зятю нечем, а она и гешефт соблюла, да и поработать зятя заставила.

– Сама ты дура! – заплетающимся языком выдавил из себя

Юрка и налил себе в рюмку остатки горелки.

– Отчего же я дура? – оторопела тёща.

Под вопрос тёщи Юрка опрокинул обжигающую жидкость в рот. Grimаса на лице от выпитого. Шумный выдох. Сдавленным голосом Юрка припечатал тёщу.

– Потому что я за четыре гривны напился. Кому сказать, не поверят! – уронив голову на руки, он шумно захрапел прямо за столом.

Женщина метнулась к настенному шкафу. Пересчитав купюры, она грязно выругалась в адрес зятя, но тот почивал сном пьяного индивида.

Жажда наживы

Сосновый бор раскинулся на многие сотни гектаров. Лес был высажен практически вручную. Чудесное место! Восхитительный вид с Петровского редута! С Петром Первым ли связано название, не стану утверждать. Легенд по сему поводу великое множество, но нет подтверждений. На том и остановимся.

Юрка работал охранником на этом «полигоне». Название его мудрёное. На стенде у входа надпись: ИССО. Испытательная станция стрелкового оружия. Как мне говорили, из оружия – ружья и установка по запуску спортивных тарелок. Что сказать, знают толк в отдыхе генералы.

Сутки в охране – трое дома. Чем не график? Мечта! Да

и от дома не так и далеко. А самое-то главное, охранять – не в поле работать. В структуре ИССО всякие штатные единицы. Плотники-столяры, кастаньянша, уборщица, дворник, оператор котельной и т. д. Коллектив местный, колоритный. На работу устраивались по рекомендации. Вот и бегут трудовые будни.

Юрка сидел в курилке, что рядом с административным корпусом. Попыхивая самокруткой, явно бездельничал, хотя делал вид задумчивый, абсолютно занятой мыслительной деятельностью. Поглядывая на трубу котельной, что высилась над деревьями, по всем функциональным параметрам истопнического дела.

В курилку заглянул ещё охранник. Коллега Юрки по работе, а по деревенско-родственной ипостаси кум. Юрка был крёстным старшего сына Мыколы.

– Сидишь! Дурака валяешь...

– Та нет.

– Ну, а что?

– Смотрю. Считаю...

Мыкола проследил за взглядом кума. Наткнувшись глазами на трубу котельной, ещё раз посмотрел на коллегу.

– И что там?

– Да вот думаю, сколько краски на трубу пойдёт.

– А какой дурак её красить будет? Да и зачем?

– Ну не знаю... – неопределённо протянул Юрка, не отрываясь взглядом от трубы.

Полминуты меж ними гостило молчание. Глубокие затяжки самосадного табака, да шумные выдохи от кисло-горького дыма.

– Ну и сколько нужно краски?

– Та бес его знает! Начальник сказал посчитать.

– В смысле? Михалыч тебе поручил считать? – Мыкола был в лёгком недоумении. То, что Мыкола был патологически жаден, это не сказать ничего. Зависть свою к чужим успехам не скрывал и беда как любил свежую копейку.

– Трубу велел красить. Оплата сдельная. За всю работу предложил двести долларов. *(В 1994 году это было жутко много! – Д. Г.)*

Мыкола открыл рот от удивления. В его глазах была видна калькуляция иностранной валюты к национальной. Итогом было – до хрена!

– Слушай, кум! Это... Ну там... Тебе ж самому никак! Помощник нужен, – наконец справился с волнением Мыкола.

– Логично!

– Так это...

– Вот я и подумал, что ты мне сгодишься.

Мыкола шумно выдохнул, не без удовольствия и откровенной радости. Он готов был броситься на тщедушного Юрка и задушить его в признательных объятиях.

– Вот сижу, – продолжил Юрок, – считаю, думаю. Закавыка есть одна.

– Какая? – напрягся Мыкола.

– Да моя жена, Галка, выписала в колхозе лошадь на завтра, чтобы огород вспахать. А начальник говорит, что уже сегодня нужно приступать к работе. Пойду сейчас Галке звонить в контору. Она должна была переписать лошадь на другой день.

– Ну да! Дело! Конечно, переписывать нужно! Это такое дело! Такие деньги не всякий раз перепадает заработать! Это ж как его, – Мыкола задумался, – Пол Пот!

– Чего? – изумлённо уставился на кума Юрок.

– Это когда много денег и сразу! – сумничал Мыкола.

– Может, джек-пот?

– Да какая, на хрен, разница?

– Лады! Пойду в контору Галке звонить.

– Кум! Это! Мы же договорились! Я напарник твой! – горячо заверил Мыкола.

– Ну так! Кум, конечно!

Юрок встал со скамьи и, не торопясь, направился в административный корпус.

Конец сентября радовал солнечной погодой. Посему окна в корпусе были открыты настежь. Мыколу немного знобило от возбуждения. Он вышел из курилки и подошёл к открытым окнам. Он видел спину напарника. К уху прижата трубка телефонного аппарата, он громко говорил в микрофон:

– Ну и что! Вот как ты, дурёха, не понимаешь! Да и хрен с конём. Ну, в ноябре пахать будем. Ещё заморозков не будет!

Ну, может, слегка... Вот же! Ну, если тебе пахота нужнее, чем живые деньги, значит, так и сделаем! Всё! – Юрка положил трубку на аппарат.

Спина исчезла из проёма окна, и тут Мыкола услышал, как Юрок громко сказал:

«Конечно, Иван Михалыч! У меня не получается, но Мыкола согласен! Ну да!»

«Вот же кум! Ну молодец! Племянника возьму в помощники. Ему тридцать долларов дам. Хватит ему! А там...»

– Слушай! Мыкола! – голос кума вырвал его из цепких лап размышлений о предстоящей концессии, несомненно, сулящей толковый барыш.

– А! Да! Ну что?

– Да ничего! Моя дурында криком кричит – пахать, и всё тут! Так я Иван Михалычу сказал, что ты справишься!

– Ой! Кум! Это да! Я Лёшку, племянника, в подручные возьму! Он у меня мальчонка смышлёный!

– То хорошее дело! Правильно, кум! Только это! Иван Михалыч сказал, что, если ещё и растяжки тросовые покрасите, так ещё сто долларов даст.

Мыкола аж просиял.

– Оно-то так! И растяжки можно!

– Так ты давай иди к Михалычу. Он ждёт. Краску надо получать и кисти.

– Кум! Спасибо! С меня магарыч добрый и закуска царская! Я тогда к Михалычу!

– Давай, кум!

Юрка шагнул в сторону центральной аллеи и, отойдя шагов на сто, остановился и стал ждать.

Через пять минут из дверей административного корпуса вылетел метеором разъярённый Мыкола. Через кусты ломанулся к курилке, где сидел плотник Геннадьевич, со спины сильно смахивающий на Юрку.

За Мыколой из дверей вывалился хохочущий начальник Михалыч. Он кричал вслед Мыколе:

«Ну ладно трубу! А растяжки красить зачем? Да и как?»

Стиль Юрка

На испытательной станции работали сложившимся коллективом. Между собою знакомы были не год и даже не два. Пришлых людей, со стороны, брали неохотно, но всё же брали. Кого по рекомендации, а кого и по родственным узам. Складывались правила поведения в коллективе из функциональных обязанностей, но ментальность накладывала определённую печать на нормы сосуществования. Особенно это было заметно среди равных по штатному расписанию. Охранники, плотники, дворники, техники и т. д. обедали самостоятельно. Распределив очерёдность приготовления пищи, мужики, тем самым, выравнивались в своих служебных обязанностях, хотя бы на время обеденного перерыва.

В тот день готовил пищу Юрок. Собрав на стол «тормозки», приступил к готовке. Мерно помешивая варево в ка-

стрюле, Юрок поглядывал на часы. Трудяги стали подходить к флигелю охраны, предвкушая сытную обеденную трапезу.

Плотниками работали двое. Анатолий был высок и крепко сложен. Рассудителен, аккуратен в работе. Прежде чем приступить к делу, мог несколько часов готовить рабочее место, изучать чертёж, подгонять материал. Мишка – тот был сух и невысок. В его руках работа бесновалась и горела. Скорость принятия решений была феноменальна. От этого частенько страдал результат, но в целом получалось. Два таких человека были как лёд и пламень. До конфликтов не доходило, но подшутить, или «подкузьмить», друг друга – это было всегда. Было ещё одно обстоятельство, объединявшее Толика и Мишку: они были односельчанами и дальними родственниками. Толик когда-то работал в НИИ, младшим научным сотрудником, снискав себе прозвище от товарищей – Доцент. Мишка по прошлому месту работы был замначальника цеха. Уж какого, не скажу, но на должности состоял. Оба вышли на пенсию с «вредного производства». Крупное химическое объединение в городе позволяло такую опцию. Многие и близко к «вредному производству» не подходили, но по штатному расписанию опция проходила, вот и пользовались ею.

Первыми на обед пришли охранники. По неписаному закону ждали всех участников «обеденной коммуны», если не опоздание ввиду обстоятельств.

Разговоры, смешки, да прибаутки перед обеденным пере-

рывом – обычное дело. Юрка на всё это не обращал внимания и только поглядывал на балагурящих. Появился в двери Толик и, оглядев присутствующих, поинтересовался, мол, где же Мишка. Все как-то разом замолчали, только шипение газовой конфорки да мерное постукивание половника о стенки кастрюли с ароматным варевом.

– К речке он пошёл, – без интереса, просто констатируя, изрёк Юрок.

– Зачем? – спросил Толик.

– Лозу резать! – так же безучастно отвечал Юрка.

– Зачем? – округлил глаза Толик.

– Корзинки плести! – Юрок был невозмутим, и, подув на ложку с варевом, снял пробу на соль.

– Зачем? – снова спросил Толик.

– На рынке продавать! По пятнадцать гривен корзинка, – совершенно не меняя тона, изрёк Юрок.

Зарплата в то время была около сотни гривен в месяц.

– Ничего себе! – присвистнул Анатолий, – так и я умею корзинки плести! Вот же Мишка! И мне ни слова!

Толик, схватив со стола добротной стали нож, моментально испарился из флигеля, успев крикнуть, чтобы ему оставили тарелку супа.

Свидетели произошедшего только и переглядывались меж собою, ещё толком не осознав произошедшего.

Минуты через три на пороге возник Мишка. Все молча смотрели на него, переваривая в мозгу всё то, что имело ме-

сто быть за три минуты до прихода Михаила. Но ему-то что, он в неведении.

– А Толик где? – вопрошал общество, особо не обращаясь к кому-либо.

Паузы не было. Юрок, словно метроном, выдал в эфир:

– К речке он пошёл.

– Зачем? – удивлённо вскинул брови Мишка.

– Лозу резать.

– Зачем?

– Корзинки плести.

– Зачем?

– На рынке продавать! По пятнадцать гривен корзинка, – Юрок смотрел в кастрюлю.

Зрители созерцали молча и с восторгом.

– Вот же жук! Я же тоже умею плести корзинки! – ловким движением Мишка извлёк из кармана спецовки «зоновский» нож-«выкидуху», щёлкнул лезвием и в момент выбежал из флигеля, крикнув на ходу, чтобы ему оставили тарелку супа.

– Вот вместе и пообедаете! Друзья-товарищи! – произнёс Юрка, и его слова потонули в дружеском ржании дежурной смены охраны.

Храмовый праздник

Когда в коллективе появляется новичок, все с интересом его разглядывают. Оно и верно. Что за счастье ты нам принёс? А может, беду? В любом случае интерес неподдельный,

самый что ни на есть интерес!

На испытательную станцию взяли молодого парня из города, на должность водителя автомобиля «ГАЗ-66Т». Высокая такая машина-вездеход, с кунгом-«вахтовкой».

Парнишка совсем молодой. Двадцать один год. Закончил среднюю школу, школу ДОСААФ. Отдал долг Родине в два года воинской срочной службы. Вернулся домой, а страны-то уж и нет. Есть новое государство. Суверенное и независимое.

Родной дядя подсобил в трудоустройстве на испытательную станцию водителем. Мол, пока поучись автомобиль водить, а уж после в автопредприятие на «дальнобой». Биография проста и неказиста, впрочем, как и сам отпрыск.

Юрок был на смене и первым узрел нового члена коллектива.

– Здорово! – по-приятельски и запанибрата протянул руку первым.

– Здравствуйте! – смутившись, привстал со скамьи, что в курилке, новенький.

– Меня Юрок зовут! – представился охранник.

– Вадим.

– Ты к нам водителем! – уважительно и с напускной завистью повёл беседу Юрок.

– Ну да! – всё ещё не в силах преодолеть смущение, односложно отвечал парнишка.

– Водитель – это здорово! И машина – зверь! И бензин

всегда списать можно!

Вадим понимал, что вхождение в коллектив требует определённого времени на осмотреться. Новые знакомства – неотъемлемая часть того, что называется «влииться в коллектив».

– Слушай! Ты на обед к нам во флигель приходи. Да не тушуйся! Я тебя со всеми мужиками нашими познакомлю! У нас тут всё тихо-мирно! По-семейному, так сказать.

Вадим слушал нового знакомого и понимал, что Юрок ему безумно симпатичен.

В обеденный перерыв Юрок представил Вадима обществу охраны и других работников станции. Коллектив Вадиму понравился.

Когда курили с Юрком на скамейке у флигеля, тот вдруг предложил Вадиму навестись во вторник к Юрке в деревню.

– У нас в деревне храмовый праздник.

Вадим удивлённо посмотрел на собеседника, мол, как это.

– Вот вы, городские! – с укоризной и нотками обиды молвил Юрок. – В деревне есть храм. Ну, церковь, по-вашему. И если храм, как у нас, Святого Покрова, то и праздник церковный является для деревни большим событием. Приезжают родственники, друзья. В общем, гостем у меня будешь. Жену с собою привози.

– Так не женат ещё.

– Тогда сам приезжай! Всё! Замётано! Жду тебя в гости!

– Так, это... – начал Вадим.

– Без возражений! Коли тебя на храмовый праздник зовут, грех большой не поехать.

– Так я же на работе завтра! – опомнился Вадим.

– Так ты после работы и приезжай! Покушаешь, поглядишь, как живу. Спиртное пить тебе не дам, так как ты за рулём. Но если заночуешь у меня, тогда можно и по три рюмки пропустить за святой праздник! – Юрок осенил себя крестным знаменем.

Вадим смотрел на этого чудаковатого дядечку с неподдельным интересом.

– Только это... – Юрок заговорщицки перешёл на шёпот, – брательник у меня есть. Мы с ним как две капли воды похожи. Мамка, и та нас всю дорогу путает. Два различия у нас с ним. Он у меня молчун и такой нелюдимый. А я вот общительный. У меня волосы пробором направо, а у него налево. Так и живём. Я в деревне, а он в городе. Завтра приедет! Увидишь!

Вадим до вечера был на станции. К вечеру вернулся в город. Помня о приглашении в гости, предупредил мать, что задержится завтра. Причин не объяснял, к чему?

Когда он приехал утром на станцию, то вчерашняя смена охраны уже разъехалась по домам. Один Юрок ждал Вадима у флигеля.

– Вадька! Дружяня ты мой сердешный! Я же тебе дорогу не рассказал!

– Ну да...

– Вот смотри! Когда с дороги в деревню въедешь, то по улице прямо. После к колодцу, а там до конца налево. Доедешь до огромного дуба, и слева дом с шиферной крышей. Вот там я и живу! – не давая Вадиму опомниться, тараторил Юрок.

– Я не заблужусь, – заверил Вадим Юрка.

– Ну! До вечера! Поеду, а то брат уже приехал, а я всё на работе.

День для Вадима прошёл в поездках между станцией и соседними деревнями. Возил бригаду лесорубов на участок порубки. В общем, рутина.

После работы он ехал к Юрку в гости. Дом нашёл практически сразу. Юрок настолько точно описал маршрут, что Вадиму особо и плутать не пришлось. Остановившись у ворот дома под шиферной крышей, он вышел из автомобиля и направился к высокой глухой калитке из дерева.

Юрок, завидев автомобиль Вадима в окошко, бросился к стулу и натянул на себя серые, выдавшие лучшие времена, шерстяные брюки. Накинув на себя рубаху с широким воротом, он тщательно перечесал пробор волос на голове, на другую сторону. Выскочив в холодную веранду, он опустил вперёд плечи и двинулся медленным шагом к калитке. Открыв массивную дверь, увидел Вадима.

– Здравствуйте! – важно и медленно поздоровался он с

гостем. – Вам кого?

Вадим опешил. Перед ним стоял Юрок, но вроде и не он.

– Я к Юре! – опомнился он после короткого замешательства.

– А... – протянул звук Юрок и, покашляв для солидности, через паузу добавив, – сейчас позову! – закрыл калитку перед гостем.

«Юрок! Юрок!» – услышал Вадим из-за глухого забора. «Там хлопец к тебе!»

Сам же Юрка прожогом влетел в горницу, где на ходу стаскивал с себя рубаху и брюки.

Быстро одевшись в иные одежды, перечесав пробор на другую, свою, сторону, он схватил в охапку одежду «брата», выбежал на веранду и сунул свёртком за стол с холодными закусками. Выскочив на крыльцо, Юрка бегом подбежал к калитке и рванул её на себя.

– О! Какой гость пожаловал! Заходи, дружания! Ты с ночёвкой или так? – затаскивал он во двор оторопевшего от неожиданности Вадима.

– Пойдём скорее за стол! А то жена с тётшей у соседей, так мы с тобою и вдвоём посидим!

– А брат как же? – спросил Вадим.

– Я же тебе говорил! Он людей стесняется. Не любит он эти посиделки. Пошёл пахоту на огороде смотреть.

Стол с закусками в горнице был богат крестьянской снедью. Тарелки с нарезанными кусочками буженины, сала, ма-

ринованными огурцами и помидорами. Холодец в огромной миске радовал глаз белёсым застывшим жиром. Варёный картофель был щедро полит шкварками. Колечками покоилась на блюде свиная жареная колбаска, рядом блюдо с кровяной колбасой. В отдельной глубокой тарелке – куски варёной говядины.

У Вадима разбежались глаза от разносолов на столе.

– Давай за стол! А то пока они там по соседям, ты и с голоду помрёшь! Садись-ка, вот тебе вилка.

Вадим сидел перед столом с яствами. Слюна выделялась стаканами. Но странное дело! На столе не было тарелок.

– Ты без стеснения! Что на тебя смотрит, то и бери! У нас, крестьян, всё просто! Без буржуйского налёту!

Юрок взял рюмку и налил в неё самогон.

– Ну, бывай, браток! С праздничком! – опрокинул в рот содержимое.

Вадим чувствовал себя неловко. Что ни говори, а кушать из общей посуды он не привык.

– Юра, мне бы тарелку, а то я...

– Ха! Тарелку! – загоготал Юрок. – Нету! Всё же под продуктами! Но, – он на секунду задумался и тут же метнулся к печке, – во! Не тарелка, но всё ж!

Юрка поставил перед Вадимом средних размеров чугунную сковороду.

– Валяй сюда!

Тут он себя хлопнул по лбу ладошкой.

– Совсем забыл! Телёнку воды дать нужно! Ты сиди рубай, а я сейчас!

Моментально испарившись из-за стола, он через десять секунд уже был на веранде, где переоблачался в «брата».

Ещё через минуту он уже важно входил в переднюю комнату.

– Кушайте! Кушайте! Оно ж праздник! А где Юрок?

– Телёнка поить пошёл.

– А! То добре! Телёнка надо поить, бо квёлый он у нас. Корова, што его родила, совсем никакуща, но то ладно! Вы кушайте! Вы ж гость!

С этими словами «брат» вышел из передней в холодную веранду.

Через минуту в комнату влетел Юрок.

– Чё, брат заходил?

– Ага! Вы с ним так похожи, я только по одежде и пробору и различаю. Ну, ещё он ходит по-другому и говорит медленно...

– Ну да! – Юрок наливал себе в рюмку самогон. – Он же ещё в школе менингитом переболел, так и стал таким.

Рюмка опорожнилась сама собою, чуть коснувшись рта радушного хозяина.

Вадим аккуратно кушал мясо со сковороды.

– Он же у меня сидел на зоне.

– За что? – поднял округлившиеся глаза Вадим.

– Так у него ж после менингита завихрения в мозгу. Если

рюмку выпьет, то всё! Кранты! Кто рядом будет, того и порешит. Беспощадный он у меня. И кровожадный. Почитай уж лет семь, как с зоны пришёл, так и не пьёт.

– Вот оно что...

– Да ты не серчай! Он трезвенник! Вот же голова садовая! Собаку не покормил! Ты кушай! Я быстро...

Понятное дело, что через минуту к столу подошёл «брат».

Молча взял бутылку с самогоном и наполнил гранёный стакан до края.

Вадим смотрел на него, не зная, что делать.

Тот молча влил в себя содержимое стакана и, выдохнув в сторону, взял с тарелки помидор. Смачно вцепившись в него зубами, он расправился с маринованным овощем в секунду.

Вадим смотрел на «брата» ошалелыми глазами.

– Это... Вам же нельзя! – тихо выговорил он то, что первым пришло на ум.

– Ты кто? – не мигая, вопрошал «брат».

– Гость Юры, – так же тихо отвечал Вадим.

– Так это твой гроб на колёсах возле двора?

– Мой.

– Сейчас в село поедем. Дело у меня там есть.

Вадим похолодел от данной перспективы. Ещё когда «брат» взял стакан в руку, он хотел выскользнуть из-за стола, но теперь было поздно.

– Юрка! – вдруг зарычал «брат». – Гад! Порешу! Я што, зазря зону топтал? Вот ты мне скажи! Гость! В *опе гвоздь!

Что я, зря по «мокрому» делу срок тащил?

Вадима сковал страх. Он желал только одного: поскорее выбраться из этого «гостеприимного» дома.

– Так! Я сейчас Юрку позову, и узнаем, что ты за птица такая! – он медленно двинулся к двери.

Услышав, как во дворе «брат» зовёт Юрку, Вадим опрометью бросился на выход, а после к калитке. В кабине своего «ГАЗ-66Т» он оказался в три прыжка. Вездеход, взревев двигателем, рванул с места, только пыль пошла столбом.

На следующее утро Вадим приехал на работу и рассказывал мужикам о своём приключении. Те гоготали и крутили пальцем у виска.

– Ты чё, парень! У Юрки две сестры старших! Никакого брата отродясь не было у него.

– Ну как же не было, когда я своими глазами видел его? И на зоне он сидел! У него ещё менингит был в школьном возрасте.

Вадим распалился и не на шутку расходился, доказывая всем, что брат есть.

– Ладно! Не кипятись, парень! Ты что-то путаешь! Да и не было вчера праздника в деревне. Да и быть не может. Там, где Юрка живёт, вообще храма нету.

Вадим с нетерпением ждал прихода на смену Юрки. Смена у того выпадала на субботу.

«Ладно! На следующей неделе его увижу и всё узнаю!» –

думал Вадим, крутя баранку вездехода «ГАЗ-66Т».

Но узнать Вадиму от Юрки так ничего и не удалось. В субботу Юрка отработал смену и написал заявление на расчёт. В понедельник он уже ехал в пассажирском поезде «N-ск – Москва», подвязавшись в строительную бригаду на работу каменщиком.

Здор

Медицинский врач после института – это гремучая смесь. А если это девушка с красивыми глазами, длинными ногами и грудью третьего размера? Короче, Алка была сногшибательна.

Одевалась она, по меркам провинции, стильно или, как нынче говорят, креативно.

На «скорой» работали в основном фельдшеры, и к тому же почти все были как-то связаны с сельским хозяйством. Почти все выросли в деревнях да сёлах, а выучившись на интеллигенцию сельского разлива, с настойчивостью Голиафа рвались в городской коммунальный рай. Аллочка же была продуктом городским. С рождения жила в трёхкомнатной квартире, откуда и выпорхнула в один из медицинских вузов, который и закончила, большей степенью глазами, чем усердием в науках.

Неудачные заигрывания с молодым врачом мужских особей с дипломом среднего специального образования привели весь мужской коллектив к стойкому убеждению, что, мол,

стерва редкая и не по зубам. Она же продолжала сводить с ума и заставляла рвать мозг многих из персонала местной «скорой» на предмет фривольностей в одеждах, разговоров на тему свободных отношений между полами, абсолютным попиранием ячейки общества как таковой и стойким убеждением, что красота спасёт мир.

Короче, Алка настроила против себя всех и вся, и только те, кому было до 23 лет, со смехом смотрели на то, как Алла Станиславовна издевалась над «мужиками». Теперь сама суть.

Познакомилась она с неформальным челом, да так увлеклась им и его отношением к жизни, что сама не заметила, как перешла через точку невозврата в отношениях с ним. Только вот он не торопился. Да и ему, в принципе, всё было в кайф. Он не работал, жил на скромную мамину пенсию и проповедовал философию отрицания какого-либо подчинения, по самой сути подчинения как такового.

Алла ненавидела сало как продукт. Она его не воспринимала вообще, не вынося даже его вида. Девушка она была в меру толерантная, и всё новое воспринимала как необходимое для испытания на себе.

У Вита был дом недостроенный, и процесс строительства двигался со скрипом, если не сказать иначе. В доме, к пребыванию в нём как в жилом помещении, была только одна комната на втором этаже. Комната мансардного типа, обита деревянной сосновой вагонкой и покрыта лаком. Комната

была холодной и годной только в тёплые месяцы.

В общем, дело молодое, всем знакомое и, как водится, однажды утром они проснулись в одной постели.

Вит начинал своё утро с презрения к соседям. Открывая окно, он справлял малую нужду прямо в раскрытые настежь фрамуги. Это его веселило неимоверно, и как сам он выразился: «Сие деяние – мой вызов серости и презрение к мелкобуржуазному мещанству, что окружает меня!»

Галиматья великая, но в том и сила «базаровщины» как таковой, что не находится аргументов на высокопарное пояснение лени и трусости перед необходимостью ежедневного труда, что облагораживает индивидуума, позволяя тем самым рассматривать себя не с позиции «эго», а по отношению к обществу тебя самого.

Вит, проделав нехитрую утреннюю процедуру, подошёл к журнальному столику, где на разделочной доске лежал опывающий жиром свежий кусок розово-белого несолёного сала. Чикнув стальным пером острого немецкого ножа по продукту, он обильно его посолил и отправил в рот. С удовольствием и чувством удовлетворения он пережёвывал сей продукт, причмокивая губами, со своеобразным звуком «мм-мм», переходящим в конечной фазе на французский манер в нос.

Алка лежала в постели и смотрела на своё обожание с чувством омерзения.

– Как ты можешь это есть? – спросила она и дёрнула пле-

чами. Тут же, сев в подушки, она уставилась на Вита, ожидая от того ответа.

– С превеликим удовольствием! – парировал Вит. – Ты ничего не понимаешь. Это не сало, – он посмотрел на неё, Алка с интересом слушала, её выдавали глаза, – это сало готовят так, – продолжал Вит, – свинью, прежде чем забить, два часа бьют широкой доской по заднице и бокам.

– Зачем? – подалась вперёд Алка.

– Чтобы сало пропиталось кровью.

– Так ей же больно, – с удивлением и недоверием в голосе бросила фразу из ложа Алла.

– Вот! Для этого утром, перед тем как всё начать, свинье в жратву подливают двести грамм самогонки с пивом или брагой...

– Не может быть! – с неподдельным интересом встрепенулась девушка.

– Вот-вот... – продолжал Вит, отправляя в рот ещё один кусочек с кристалликами соли, – это же старый рецепт. Ещё ковуи придумали так готовить свинину.

– Кто?

– Вот неуч ты! Были такие воины – ковуи. Племя кочевников, а князь Игорь нанимал их на службу.

– А ну-ка, дай мне попробовать! – загорелась Аллочка.

Вит отрезал ей маленький кусочек и слегка посолил.

Протягивая его ей, он приговаривал: – Лакомство сие называли они «здор»!

– Мм-м... – с удовольствием зашевелила мышцами челюстей девушка.

– Здор! Это от «здоровое»?

– Ну да! – кивнул Вит и отрезал себе ещё. (Здор – это самое противное и невкусное сало из всей свиной туши. Обычно в деревнях им брезгуют даже хозяйские собаки. Используют сельские знахари в лечебных целях – *Прим. автора*).

Прогулявшись по городу, они подошли к автостанции. Предпоследним рейсовым автобусом Алка уезжала в соседний город. Всю дорогу она находилась в полудрёме, и виделись ей картины из древней истории, воины на лошадях, и у каждого в руке по куску бело-розового сала.

Утром, придя на работу, Алла занималась насущными производственными вопросами. Будь то журналы, карты, выездные путевые листы для водителей и т. д. К полудню, управившись с текучкой, она присела к столу у телевизора, что находился в комнате приёма пищи. Постучав подушечками пальцев по кнопкам телегроба «Славутич», наследия советского прошлого как имущества станции скорой помощи, Алла Станиславовна остановила свой выбор на каком-то из каналов, где кто-то кому-то чего-то был должен и не хотел возвращать. Сюжет банальный...

К обеду, расправившись с вызовами, фельдшерские бригады съезжались, чтобы подкрепить слегка уставшие организмы обеденной снедью. Кто-то приносил готовое, ну а кто-то пользовал жареное сало, картофель или, на скорую руку,

яичницу.

В дежурившей смене подобрались как-то все те, у кого контакта с Аллой Станиславовной не было априори. И она явно скучала, пребывая в пессимизме от того, что «и поговорить-то не с кем».

Как-то так вышло, что на работу она примчала с опозданием, и свой ланч оставила в домашнем холодильном шкафу, о чём сожалела весьма и весьма.

Парни же чистили картофель, нарезали для жарки сало. Сало было отменным. С проростью мясной, шкурочка мягкая и душистая, пахнувшая соломой, выскобленная и обработанная с любовью и вложенная в сумку сына заботливой мамой, с огромным чувством благодарности, что не забывает родителей, что мчится в помощь на выходных, отдавать трудовую повинность в отчет доме.

Алла Станиславовна грела руки о глубокую фаянсовую кружку с чаем и смотрела фильм, но мысли её бродили в районе желудка.

– Алла Станиславовна, угощайтесь! – вдруг обратился к ней Валентин, фельдшер толковый, непьющий и к тому же справедливой закалки мужчина.

Он придвинул к ней нарезанные кусочки сала, аппетитно разложенные по кругу тарелки, а в центре маринованные огурчики кругляшами, солёные, хрустящие.

– Ой! Спасибо, Валентин. Я же сало не ем, – но тут она вспомнила, что вчера вкушала необыкновенного вкуса де-

ликатес, – меня вчера друг угощал салом. Не сало, а сказка! – тут она берёт кусочек сала и кладёт его в рот. Несколько мгновений жуёт, а после глотает и тарелку от себя отодвигает.

– Нет. Это невкусное.

Валентин смотрит на неё ошалелыми глазами. Он, тот, кто предлагал ей дружбу и отношения (ещё до своей женитьбы), был отвергнут по причине скудости кругозора (а у Валентина кругозор один: бык в сарае, корова на пастбище, свинья в хлеву, сенокос, прополка, сушка, перевозка и т. д.). И он, предложив ей сало, как бы протянул ей руку мира, а тут...

– А какое же вы кушали? – налившись кровью в мгновение ока, налицо пытаясь сдержаться, спросил Валентин.

– Ой, как его, этот... А! Здор!

У Валентина вывалились глаза из глазниц, корочке склер почти не осталось.

– Чего? – тихо и с подозрением переспросил Валик.

– Здор! – Алла Станиславовна смотрела на Валентина с улыбкой и непринуждённо стала ему рассказывать, как готовят сей чудо вкусный продукт.

Окружающие притихли и понимающе переглянулись между собою.

Свинью, перед тем как забивать, поят водкой с пивом. После бьют по заднице широкими дощечками, чтобы сало пропиталось кровью...

В комнате было человек семь. Все родом из деревень.

Они, не мигая, смотрели на старшего врача смены и молчали. Они ждали подвоха.

– Так вот! – не унималась Алка – Ковуи его ели сырым, посыпая солью сверху. Вкусная вещь, доложу я вам.

– Вкуснее, чем трюфеля? – не сдержался Сашка и отвернулся к экрану телевизора.

– Алла Станиславовна! Зайдите в диспетчерскую! – шепнул динамик селектора.

Старший врач сполоснула чашку и, покачивая умопомрачительными ягодицами молодой девушки, поплыла в сторону скоропомощного сердца.

В комнате приёма пищи была немая сцена.

– Совсем сошла с ума! – кто-то тихо проговорил, и все уставились в экран.

Смена у Аллы закончилась в 19:45, и, передав все дела заступающему дежурному врачу, она с лёгким сердцем выкурила душистую сигаретку «Duhnhill» и прогулочным шагом направилась в сторону отчего дома.

Мать Аллы Станиславовны, женщина шестидесяти лет, пенсионерка и домохозяйка, ждала возвращения дочери с дежурства с накрытым приборами к ужину столом.

Алка опустилась на кухонный табурет и посмотрела на мать.

– Мам, а у нас нет дома сала?

– Что? Алчон, ты же вида его не переносишь.

– Ну, меня тут угостили намедни. Очень вкусным. Его го-

товят по-особому. И его ели ковуи...

– Какие ковуи? – посмотрела на дочь родительница.

– Ух, – вздохнула Алла, – неважно. Это сало называется...

Ну, короче там, перед тем как забить свинью, её поят водкой с пивом.

Мать смотрела на дочь с удивлением и какой-то жалостью.

– После чего свинью привязывают и бьют, – Алла рассказывала с упоением и страстью, сверкая глазами, разбрасывая вокруг себя феромоны любви и счастья, – широкими дощечками по спине и заднице два часа! Чтобы сало напиталось кровью.

– Какая кровь? Как напиталось? Что ты мелешь? Какое сало?

– Сало? Здор называется... – Аллочка смотрела на мать и улыбалась.

Мать присела на кухонный табурет и посмотрела в глаза дочери.

– Боже мой! Какая глупость. Кто тебе это наплёл? – шумно вздохнув, она поднялась и повернулась к кухонной плите.

– Мааам... – протянула Алка, чувствуя что-то недоброе. Улыбка сползла с её губ.

– Доченька, здор – это самое никчемное сало, которое после забития и разделывания свиньи выбрасывают. И как можно бить дощечками свинью? Она же будет кричать, ей будет больно. Да ещё и два часа? У животного от возбуждения выделяется адреналин, всплеск гормонального фона,

как результат – мясо, равно как и сало, станет непригодным для пищи.

– Тварь! – выдохнула Алка и рванула из кухни в коридор, к телефонному аппарату.

– Ты конченный придурок, ты дебил! – выла она в трубку. – Ты хоть понимаешь, что я на работе сегодня опозорилась! Теперь-то я понимаю, почему они смотрели на меня так, будто я сошла с ума.

Мать Аллы смотрела в спину дочери из кухни и думала: «Достанется же кому-то такое счастье...»

ДЫМОК

После этой, вышеприведённой, истории Аллочка выдержала две недели и, конечно же, простила Вита. Вит же не придавал значения происходящему, так как был по своей натуре пофигистом с большой буквы П.

Аллочка примчалась к нему в очередной раз, и они весело проводили время. А время года было знатное. Осень – это так романтично. Первый день сентября, солнечно! В воздухе, ещё не осеннем, но уже и не летнем, витает нечто грустное, повествующее о днях былых, канувших в Лету.

Пригласил её Вит к себе на праздник осени. Алла ехала с недоверием, но в ней пылал огонь мести, хотя внутри себя она признавала, что шутка с салом была однозначно хороша.

Он встречал её у автобуса с букетом хризантем. Алла опешила, мол, что-то случилось с её другом, и букет принимала с недоверием и даже опаской. Вит же, в свою очередь, критично оглядев Аллу, бесцеремонно вонзился губами ей в шею, оставив сочный засос.

– Я соскучился, и ты совсем не права, что так долго не приезжала.

– Мог бы приехать сам, – возразила Алла, – особенно после той выходки, что ты проделал со мною.

– Да ладно, – махнул рукою Вит, – я не виноват в том, что ты ведёшься на такого рода шутки. Да и я же не знал, что ты

станешь сдуру трезвонить повсюду.

– Хорошо, проехали.

Аллочка, подхватив Вита под руку, устремилась к выходу.

– Прогуляемся по паркам! – заявил Вит. – А к вечеру будет праздник.

Он водил её по осеннему парку, дубовому, где было старое немецкое кладбище, ещё с царских времён, почти уничтоженное большевиками, а после и коммунистами. Были немногие уцелевшие монументы и скульптуры, сохранённые, кстати, отцом Вита.

Папа был Человеком огромных знаний и ума, высочайшего интеллекта, был многие годы директором одной из школ города и совмещал ещё одну должность – должность директора местного краеведческого музея.

Городской парк состоял из двух участков. Между ними находился стадион. Обогнув спортивное сооружение, молодые люди прошли по аллее и оказались в парке с огромными деревьями широколистных кленов. Ковёр из кленовых листьев необыкновенной красоты. Ноги утопают в этой красно-желтой, ещё не грязной, ещё такой притягательной массе. Умиротворение, словно от китайского молочного чая оолонг. Грести ногами листья, шелест которых приводил в ностальжи по уходящим в странствие памяти событиям, деяниям, мечтаниям, сбывшимся и не осуществившимся юношеским грёзам.

К вечеру он привёл её к дому своей мамы. У Аллы Ста-

ниславовны сердце сжималось и замирало от одной только мысли, что знакомство с родителями – это следующий этап её отношений с Витом.

– Алл, ты ничему не удивляйся, это подарок тебе от меня. Ты даришь мне счастье и надежду, которая питает меня и позволяет жить. Жить ради того, чтобы стать тем, кем могу быть, кем хочу быть. Спасибо тебе, спасибо, милая.

Он крепко обнял её за плечи и, повернув к себе лицом, нежно атаковал её губы своими. Аллочка поддалась и ответила ему.

Они целовались в темени уже не по-летнему густых кустов акации, куда не проникал свет уличного фонаря. У Аллочки горело внизу живота, это было не тепло, то был жар. Жар огромной температуры, словно от коксового угля.

Желание быть с Витом затмевало всё окружающее её. Мыслей не осталось совсем, только утолить изжигающий её жар, убить в себе феминизм и стать банальной женщиной со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Пойдём! – шепнул ей в ушко Вит и слегка подтолкнул к двери.

Аллочка входила в дверной проём, что вёл в летнюю веранду, словно в тумане. Вит шагнул за ней и чиркнул спичкой. То, что в мерцающем пламени увидела Алла, потрясло её. Весь пол веранды был устлан кленовыми листьями, будто в парке. Она охнула от неожиданности и нахлынувшего на неё чувства.

– Вит, что это?

– Как видишь, осень пробралась в дом.

Вит зажёл несколько свечей, и комната наполнилась мерцающим светом. На стенах висели причудливые деревянные изделия из коряг, умелой рукой обработанные, доведённые до совершенства кропотливой работой умельца фантазии мастера.

– Проходи, милая! Устраивайся! – ласково прошептал Вит.

В глубине веранды стоял стол, накрытый на две персоны, с высокими бокалами, в стекле которых извивался пламень свечей.

Алла села за стол, и Вит наполнил бокалы вином тёмно-рубинового цвета. Наливал он из высокого кувшина с закрывающейся крышкой.

– Давай выпьем за прошедшее лето! За то, что это лето подарило мне встречи с тобою! Салют! – Вит сделал круговое движение правой рукой, и вино, качнувшись, лёгкой волной пронеслось по бокалу.

Звон фужеров был глухим и каким-то грустно-торжественным, словно сама осень была метрдотелем на их с Витом празднике. Алла поднесла бокал к губам и вдохнула в себя аромат. Это был аромат поздних сортов винограда с тяжёлым, настоявшимся оттенком. Пригубив вино, Алла не смогла отказать себе ещё в одном глотке. Да! Это было нечто! Вино было отменным! Густым, словно кровь, пряным и ду-

шистым, выдержанным по всем канонам.

Она с удивлением смотрела на Вита, который взял в руки гитару.

– Я спою тебе песню.

Тихий, мягкий перебор серебряных струн. Лёгкое опьянение от первых глотков вина. Бархатный тембр голоса поющего.

Негромко, вкрадчиво, будто из утреннего тумана, из далёкого воспоминания, где бунинская аллея, шелест страниц тургеневских романов:

«Не могу я забыть те бессонные долгие ночи.

Не могу я забыть поцелуй твоих ласковых губ.

И пройду я один мимо тех размалёванных бочек,

Где не шцут тепла сотни страждущих, раненых губ.

Пусть холодное пиво остудит душевную рану!

Хоть на час, хоть на миг, в этом море я пусть утону.

Но потом я пойму, что поддался, поддался обману.

И дрожащей рукой продавице трояк протяну...»

Алка слушала, словно замороженная. Песня была какой-то босяцкой, дворовой, явно написана в порывах, да и не суть. Голос креп, мотив становился пронзительнее, жестче:

«Так уходит любовь, но память снова и снова.

Так уходят года, и вернуть их уже не дано.

А кому это чувство до слёз и до боли знакомо,

Пусть заплачет, как я, и как я, вдруг посмотрит в окно.

Там собрался народ, и терпенью народа нет мочи.

*Я туда, где опаленных судеб, в их брошенный круг.
В этот круг не поставленных над i, и... ё точек,
Где мечты превращаются в омут и подлинный струн.
Не могу я забыть те бессонные, долгие ночи...»*

Последний звук струн затихал в пространстве, и Вит взял в руки бокал.

– Я хочу выпить за тебя! За твоё счастье!

Алла допила вино и посмотрела на Вита.

– А где мама?– Уехала в санаторий, мы совсем одни.

Алла смотрела на Вита, и вдруг стала воспринимать всё абсолютно в ином цвете. Этот романтический вечер, эту песню. И Вита самого.

«Хотя, что это я? – рванула мысль. – Фантазёрка!» – с негодованием подумала она.

Вечер и ночь пролетели в любовных ласках и утехах. Вит был большой оригинал и затейник в любовных делах. Алка уснула под утро измождённая и счастливая донельзя.

Утро давно уже закончилось, и наступил воскресный полдень. Из кухонной комнаты летел аромат свежего кофе и трубочного табака.

Сладко потянувшись, она вскочила с постели и набросила на себя длинную рубашку Вита, заботливо оставленную тем в кресле у окна. Крутнувшись у зеркала, Алла пошла на запах кофе. Открыв дверь, она увидела, что Вит готовит завтрак, при этом покуривая трубку.

– Доброе утро!

– Ах! Доброе! – проворчал Вит, но тут же улыбнулся. – Умываться вон там! – при этом махнул рукою с трубкой в направлении двери ванной комнаты.

Уже за завтраком Вит предложил пройтись к центральному гастроному, где можно выпить свежего пива.

Алла смотрела на Вита, словно на свалившегося с Луны.

– Пива? – переспросила она.

– Именно! Именно! – воскликнул Вит и, вскочив с табурета, встал по центру столовой.

– Янтарного напитка, что мозг мой утолит, не может быть избытка! Пусть Бог меня простит! – Вит чуть склонил голову, будто ожидая овец.

– Хорошо! – согласилась Алла. – Только мне нужно привести себя в порядок.

– Да! Конечно! – Вит шагнул к Алке и собрал посуду со стола в стопку, посмотрел на неё.

– Приберёшь?

– Конечно, – отозвалась Алла и понесла стопку грязной посуды в раковину.

Вит же принялся убирать листья на веранде.

Через час они гордо шагали к центральному гастроному. Пиво продавали там, в бакалее, обязательным атрибутом был стакан, гранёный, такие сейчас редкость. И пиво пили за высокими столами люди чинно и спокойно.

Местные же выпивохи пили пиво в другом месте, потому как в «Центральном» пиво было дороже.

Чисто и просто, даже, можно сказать, культурно. Вит, подойдя к прилавку, попросил пива и предупредил, что открывает бутылку сам. Продавец, молодая девушка, подала ему ключ, бутылку и начисто вымытый стакан. Вит взял бутылку и, ловко подцепив пробку ключом, резко дёрнул крышку, и та, взмыв в потолок, зазвенела в зале. Вит же в мгновение ока, запрокинув голову, уже вливал в себя пиво.

Алка смотрела на Вита круглыми глазами.

– Ты дикарь? – зашипела она на него. Взяв свою бутылку и стакан, она пошла к столу-стойке.

– Ты ничего не понимаешь в пиве из бутылки, – Вит смачно отрыгнул и, перекрестив рот, посмотрел на Алку.

– Что я должна понимать? – вскинула брови Алка.

– То, – взяв паузу, Вит глотнул ещё пива и, осмотревшись, наклонился к Алке, – бутылочное пиво – это тебе не из общей бочки! Вот когда его открываешь, то самый кайф – это поймать дымок.

– Дымок? Какой дымок? – встрепенулась Алла.

– Ну, когда бутылку открываешь, дымок поднимается. Видела? – Вит пристально смотрел на Аллу.

– Видела...

– Так это и есть кайф! Поймать этот дымок.

– Да ну?! – с недоверием протянула Алла.

– Пей из стакана, кто тебе не позволяет! – фыркнул Вит и допил бутылку до дна.

– Я хочу попробовать, – загорелась Алла.

Таким же эффективным образом Вит открыл ей бутылку, и скоро сунув сосуд ей в руки, он приказал: «Ну!»

Алка обхватила горлышко губами и припала к посудине. Пить-то она из бутылки не умела и потому сразу же бутылку поставила на стол. Из горлышка бутылки стала подниматься шапкой пена и, вырвавшись наружу, заторопилась по телу сосуда.

– Вот же! – недовольно крикнул Вит.

– Ага! Чё-т прикольное есть! – воскликнула Алла и, взяв бумажную салфетку, избавилась от пены на бутылке. Охватив тело стеклотары двумя руками, снова припала губами к сосуду.

Напились они пива, как положено, и отправились в местный кинотеатр на какой-то из фильмов.

Сюжет был незатейлив, и Алка честно проспала весь фильм на плече у Вита.

Вечером он проводил её на автовокзал, где последним рейсом она отправилась домой.

У Аллы был институтский приятель. Звали его Николай. Они были из одного города, учились в одном вузе, приехали в отчий дом, где и трудились исправно на ниве здравоохранения. Николай неоднократно, но безуспешно, пытался ухаживать за Аллочкой, они даже чуть встречались, но отношения постепенно переросли в крепкую человеческую дружбу.

Николай был сама порядочность, интеллигентность, такт,

образованность. Сам из врачебной семьи, продолжил династию и об ином и помышлять не мог.

Как-то, встретив Аллу Станиславовну в утробах городской больницы, предложил ей поужинать вместе в городском ресторане. Будем честны, настоящий ресторан в городе был. Всё как в настоящей ресторации, по всем канонам: с тяжёлыми гардинами, приборами на столах, официантами в форменной одежде.

Вот и вечер назначенного часа, они встретились у фонтана и, не торопясь, последовали к заведению.

Былой пафос ресторации ещё витал во всём помещении ресторана. Начиная от расставленных на столах в пирамиды накрахмаленных салфеток до убранства в тёмно-красных тонах зала.

Выбрав стол, пара чинно уселась и, негромко ведя разговор, принялась ждать официанта.

Девушка не замедлила появиться, держа наготове блокнот с авторучкой.

Николай вопросительно поглядел на Аллу.

– Чего изволишь?

– На твоё усмотрение, хотя, – Алла на секунду замолчала, – мне бутылку пива, только открывать при мне!

Николай смотрел на Аллу, силясь понять, к чему пиво в данном случае, но, отказываясь размышлять, лишь молча кивнул официантке.

– Ну, как ты? Что у тебя? – спросил он.

– Да, «скорая помощь», интересное что-то есть в этом, – в задумчивости произнесла Аллочка. – Вот ты же лечишь, ждёшь результата, неспешно, порою изменяя ход и тактику лечения. У тебя на это есть время. План лечения подразумевает под собою мерное течение процесса выздоровления организма.

– Ну да! – кивнул Николая.

– На «скорой» же этого времени нет, потому как мы оказываем первую помощь. Принципы и подходы к самому факту человеческого здоровья отличительны... – Алла посмотрела на Николая.

– Ты права, – мягко вставил Николай, – но ты же врач, ты обязана лечить! Оказывать помощь может и персонал со среднеспециальным образованием. Прости, но учиться шесть лет плюс три года интернатуры с ординатурой! Это, наверное, нечестно по отношению к alma mater, да и, – Николая пожал плечами, – к себе.

– Да нет! Ты что! – с жаром и азартом, подавшись чуть вперёд, Аллочка атаковала Николая – Мчишься в автомобиле с сиреной по городу, врываешься в квартиру, словно ветер, где ложе врага – болезни, а то и смерти! А ты, словно ангел в белом халате, борешься до последнего...

Подошла официантка и поставила на стол открытую бутылку с пивом.

– Это что? – спросила Алла, прервав свою пафосную песнь о «ноль три».

– Пиво! Вы же заказали!

– Почему вы его открыли?

– Положено так. За столом открывают вина игристые...

– Что за чушь! – возмутилась Алла. – Мне открывать здесь! За столом! Сейчас же замените!

Николай смотрел то на Аллу, то на официантку.

Последняя удалилась, но открытое пиво оставила на столе. Через десять секунд служитель ресторации предстала пред светлы очи скандалистки с бутылкой пива и нарзанником (ключом для открывания).

– Я сама! – Алла Станиславовна ловко подцепила ключом пробку так, что та взлетела вверх и пропала в ковровом покрытии зала. Но Алла этого не видела. Она уже припала к стеклянной таре губами и всю тянула пиво из бутылки.

Сказать, что Николай был потрясён, разом с официанткой и людьми, сидевшими неподалёку и обратившими внимание на шум у соседей, – это не сказать ничего.

Аллочка же, поставив бутылку на стол, победно огляделась и прыснула отрыжкой в ладошку.

Николя был в ауте.

– Это что? Что это было? – совладав с собою, Николя даже снял очки.

– Это, – абсолютно невозмутимо и пребывая в игривом настроении от произведённого эффекта, ответила Аллочка, – это – дымок!

– Какой дымок? – ошалел Николай.

– Ну, в бутылочном пиве это самый кайф, – невозмутимо начала Алла, – поймав его, истинное наслаждение испытываешь от питья данного напитка.

– Господи! – простонал Николай, откинувшись на спинку стула. – Какой дымок? Алла Станиславовна!

– Из горлышка бутылки! – абсолютно спокойно парировала девушка.

– Ой, боже! – Николай смотрел на Аллу глазами сожаления и сострадания. Такими глазами смотрит родитель на глупое чадо, твёрдо уверившись в том, что дитя к жизни абсолютно не приспособлено. – Алла, у тебя высшее образование! Ты изучала многие дисциплины. В их числе и химию. Какой дымок? – зашипел Николай Николаевич.

– Это истинное наслаждение, через сосуд уже не то... – Аллочка смотрела на Николая и несла абсолютную ахинею о посреднике-посуде.

– Углекислота из бутылки выходит! – бросил Николай убийственную фразу в сидевшую напротив девушку.

Алла Станиславовна на несколько секунд замерла и, с шумом выдохнув, выдала тираду.

– Ну, скотина! Ну, тварь конченная. Урод! Бык деревенский... – запричитала Аллочка.

Николай сидел красный, как вареный рак. Он смотрел на женщину его мечты и не мог поверить своим ушам.

– Да успокойся ты! – в сердцах бросила Аллочка. – Не о тебе речь! Вот же придурок!

– О ком речь?

– Да так... – Алла Станиславовна чиркнула зажигалкой и выпустила струю душистого дыма изо рта.

– Пойдём отсюда! – тихо попросил Николай.

– Ага, пойдём! – откликнулась Аллочка. – Да пошёл ты...

И, схватив сумку, рванула на выход. На ходу бормоча и проклиная:

«Дымок, мля! Прибью, как пса!» – услышал швейцар на выходе из уст молодой и красивой девушки.

– Вот молодёжь! – только и пробурчал себе в усы пенсионер в ливрее.

Кидок

= 1 =

История, которую приведу ниже, произошла с уже немолодым человеком. Ивану Владимировичу на тот момент исполнилось 63 года. Он всю свою трудовую жизнь провёл за «баранкой».

Водитель опытный, я бы даже сказал, старательный. Но что-то в нём было ехидно-подхалимное. Такой вот услужливый весь, но с намётанным глазом. Короче, дед был хитрованом.

Фамилия была говорящая сама за себя – Деркач. (Деркач – простонародное название стёртой метлы, веника. То есть

он уже не метёт, а дерёт, не исполняя своей прежней функции. Так и выбрасывают, предварительно сняв с деревянной палки остатки прутьев. Радеющий за имущество хозяин может использовать деркач, чтобы чистить дымоход от сажи, а иной и в печке сожжет, хоть какая польза, в виде энергии.)

Работать приходилось вместе, так как в то время на «скорой» в провинциальном городе на пять-шесть бригад бывало только две санитарные автомашины.

Уж какими правдами-неправдами Иван Владимирович подсел третьим на автомобиль Аркадия и Виктора, только одному главврачу местной ЦРБ да механику известно.

Что Виктор, что Аркаша ругались по сему поводу с механиком, но разве пальцем обух перешибёшь? То-то и оно. Фишка в том, что Аркадий и Виктор получили новый УАЗ-«таблетку», холили, лелеяли кормилицу, а тут третий наездник.

Катает Иван Владимирович медицинских работников по вызовам, а сам доволен до безобразия. С больничного двора до адреса доедет, и пока бригада у больного, несколько раз в бак бензиновый мерную палочку опустит. Всё проверяет, сколь ему бензину уже принадлежит.

На автомобилях УАЗ два бензобака. Один основной, а другой дополнительный. Аркадий с Виктором уже лет 5 как вместе работают, и в дополнительном бензобаке всегда бензин есть. Так сказать, НЗ. Неприкосновенный запас, на случай ремонта или просто сменить на бутылку огненной воды.

Когда автомобиль в смене дежурной, водитель чист и опрятен, трезв и строг. Ну, а когда в ремонтную зону транспортное средство попадает, тут уже всё! Водитель в иной категории – автослесарь! У них даже оплата изменялась в сторону понижения. Отсюда и пролетарские замашки, в самом худшем понимании этого обозначения к классовой принадлежности. Комбез мазутный, руки сбиты в кровь, чумазные лица, и как бонус – запах от выпитого спиртного изо рта.

Иван Владимирович цинично слил НЗ в канистру и вывез её в свой гараж. Аркадий и Виктор пропажу обнаружили не сразу. Где-то дня через три. Друг дружке они всецело доверяли, а вот третьему – тут были сомнения. Без обиняков и спросили. Тот не признался сразу, но глазки забежали. Конфликт был исчерпан после того как Иван Владимирович выплатил контрибуцию экипажу в виде одного литра самогона.

Иван Владимирович – удивительный человек! Из тех, что втихаря имеют всех и вся. Такой маленький весь, просяще-умоляющий. Всегда готов начальству услужить, подмазывать, подмазать, умаслить, задобрить.

Как-то хвастал: мол, жить нужно уметь! Две квартиры получили с женой. Одну он получил, и с женой фиктивно развелись, и жена получила однокомнатную от предприятия. Два гаража у него. Два автомобиля. Садовый участок. Да и всё у него хорошо. Сын водителем трудится, правда, на хозяина, но тот его ценит и не обижает. Платит зарплату в долларах, но сын не ропщет на частые командировки, да и зар-

плату существенно прибавили...

Я слушал это всё вполуха, так как мало того, что эту историю слышал уже по третьему кругу, но и своих мыслей вагон и маленькая тележка.

Всё бы ничего, но случилась беда у Ивана Владимировича. Сын попал в серьёзную передрагу и был вынужден срочно бежать из города. Иван Владимирович совсем сник и повесил голову, после того как на территорию больничного двора въехал джип «Гранд Чероки». В силу определённых обстоятельств я знал, кто в этом страшиле колесил.

Из чрева заморского авто выбралась туша Гены-Амбала, известного местного братка. Он о чём-то поговорил с водителями и направился в сторону водительской комнаты, что была при гараже.

В автомобиле оставался водитель. Этого персонажа я тоже знавал. Это был некто Женя Бур, известный криминальный винтик системы местной братвы, что жила за счёт городских коммерсантов. Они всегда втроём, но третьего я не видел. Может, он сидел в салоне автомобиля, но за наглухо тонированными стёклами разобрать, есть ли там кто, ну никак. Третий персонаж – это Гриша. По национальности армянин и к криминалу откровенно примазался. Он из бывших кооператоров. Чем он не занимался на рубеже 80-90-х. Продавал магнитную плёнку. Содержал студию звукозаписи. Пёк лавашаи. За это его и прозывали «Гриша-лавашник».

С Гришей я был знаком, так как вместе играли в футбол

в так называемой группе «Здоровье». Дружбы, конечно, не было, но при встрече мы здоровались.

Я сидел в автомобиле и ждал Ивана Владимировича, чтобы ехать на вызов. Чертыхаясь на нерадивого водителя, что давал мне задержку выезда уже в добрых пять минут, я двинулся в водительскую. У водительской меня остановил механик Петрович.

– Ты пока туда не ходи. Там к Владимировичу люди приехали.

– Чего? – вытаращил я глаза на Петровича. – К Владимировичу?

– Да.

– Так мне на вызов ехать!

– Ну, погоди... Там серьёзный разговор.

– Иван Владимирович! На вызов ехать нужно! – громко позвал я горе-водителя. Из-за двери вышел Гена-Амбал и посмотрел на меня с высоты своих 205 см.

– Может, тебя кто другой свозит? Занят он сейчас. Ну, никак не может от серьёзного разговора уклониться.

– Там человеку плохо. Ему помощь нужна! – с некоторым вызовом бросил я в лицо оппоненту.

Гена смотрел куда-то за меня, и я тотчас обернулся. В дверном проходе стоял Гриша.

– Здравствуй, доктор.

– Здравствуй, Гриша.

– Не может он ехать. Понимаешь, заболел он, и на боль-

ничный пойдёт, – не мигая, глядя мне прямо в глаза, произнёс Гриша.

– Так ему нужно пойти в диспетчерскую и снять себя с линии, – как можно спокойнее сказал я.

– Ну ладно! Вот механик, всё уладит. – Петрович стоял у стены, ни жив ни мёртв.

– Так ему же нужно и взаправду к диспетчеру идти.

– Хорошо. Гена! Пускай он на вызов едет, а мы за ним прокатимся.

Гриша неспешно прошёл в водительскую, а я вышел из гаража и пошёл к автомобилю.

На Ивановича смотреть было невозможно. Он дрожал, будто осиновый лист. Не мог попасть ключом в замок зажигания. По старческому лицу катились слёзы.

Я взял трубку радиостанции и вызвал диспетчера.

– Вулкан! Ответьте четвёртому.

– Слушаю.

– Снимите вызов. Деркачу совсем худо. Ему к врачу нужно.

– Что с ним?

– Нервный срыв. Ему нельзя за руль.

– Ты шутишь?

– Да где уж там!

– Хорошо. Пусть с механиком идёт в диспетчерскую, – приказал голос из динамика.

– Вот так, Владимирович. Большого я для тебя сделать не

смогу, – тихо проговорил я, глядя на «Гранд Чероки».

Вызов сняли, и я вышел из машины. Позвал механика, и тот повёл Деркача в диспетчерскую.

Из джипа вышел Бур и направился ко мне.

– Слышь, лепила! Ты чего удумал?

– А в чём дело? Водитель в замок зажигания ключом по-пасть не может. Как он по улице поедет?

– И чего с ним?

– Я почём знаю. Это же ты с ним разговаривал.

– Ты чё такой дерзкий? Ты хоть понимаешь, чего здесь происходит?

– Женя! Поди в машину сядь!

Гриша подошёл откуда-то сбоку. Я его даже не увидел. Бандос посмотрел на меня внимательно, будто запоминая моё лицо, и молча повернулся ко мне спиной.

– Понимаешь, доктор, этот старый дед, вернее, его сынок.

Нашу контору. На сорок тонн баксов опрокинул.

– Да ну! Деркач? Опрокинул? – не сдержался я от удивления.

– Кинул по жадности своей неуёмной. Ему всё объяснили. Денег дали, чтобы он на таможне заплатил, кому следует. А он решил нас развести на том, что пошёл не на тот пункт пропуска, удумал на взятку нас прокинуть, а в результате груз задержали, и теперь, чтобы всё ровно вышло, таможне нужно всего-то половину стоимости груза откатить. Кто за это будет платить? Мы? С какой такой пьяной радости? А этот

придурок, вместо того чтобы вопрос решать, тупо свалил из города. А ведь за каждый день на таможне приходится платить звонкими монетами.

– Гриша! Мне-то это к чему знать?

– Вы же тут все нас за беспредельщиков считаете. А на самом деле мы просто бизнесом занимаемся.

– Ничего я так не думаю, – буркнул я себе под нос.

– Думаешь, дорогой. Ох как думаешь! Ладно! Не сердчай на парней моих, это у них профессиональное. Никому верить нельзя, вот и напускают на себя флёру бандитского.

На вызов поехал механик Петрович, пока на работу не вызвали водителя на замену Деркачу.

История закончилась весьма плачевно. Сын, тот, что сбежал, все проблемы повесил на мать с отцом. Гриша и его компания «отжали» у них всё. Две квартиры, два автомобиля, садовый участок... Что-то ещё и в деньгах. Но история на этом и могла бы закончиться, но она бы не давала полную картину.

Деркач с женой переехал в малосемейку, которую им дали от местного предприятия. И то, говорят, потому, что директор этого предприятия очень уважительно относился к жене Деркача, которая была заведующей одним из заводских детсадов в течение 30 лет.

Как-то зашёл разговор у меня с одним мужичком. Он мне и поведал эту же историю, только совсем с другого борта. Мужичонка этот очень хорошо знал Деркача и его сына Ва-

лерку. Под хороший стакан да долгий вечер вылилась история в абсолютно ином свете.

«Дедок-то этот всю свою жизнь гадил коллективу. Постукивал начальству на всяческие шалости водительского братства. Механик автоколонны, всегда знал, кто с похмелья в рейс уходил, у кого левые рейсы были. Кто и чего с родного предприятия вывез. Такое вот чудо неприметное завсегда в коллективе найдётся. Оно-то и понятно, слаб человек! Только сам же Деркач и приторговывал самогоном в автоколонне. Да и всяких иных грехов за ним числилось. То машину новую вне очереди получит, то квартиру ему улучшенной планировки. В отпуск только летом. Путёвки от профсоюза в Кисловодск – это Деркач поедет. Вот и сынуля у него весь в отца. Лихие 90-е лишили водителей зарплаток на родном предприятии, вот и подались в наёмники, так сказать, на хозяина.

Тема была – сигаретная. Из Москвы в Киев сигареты фурами таскать. Вот мы и подвязались с корешем в эту контору. Нам-то чего? Мазута, оно и есть мазута! Дали «МАЗ» 20-тонник, и тащи груз от «плеча» до «плеча».

Справа экспедитор сидит. Он за груз и отвечает. Мне за труды сотенную с американским президентом отваливают, я и рад. А вот Валерка, тот, что сынок Деркача, решил поиному сыграть. Снёс он экспедитора, да и снёс гаденько, мужики говорили. Сам с хозяином сгношил, чтобы одному работать. Он тебе и водитель, и экспедитор. Мы по сотенной

получаем за рейс, а он по восемьсот. Ходит и посмеивается над нами, олухами. Я-то тоже, чего греха таить, подумывал, но кореш мои горизонты быстренько сузил. Объяснил, что к чему. Дескать, не нашего это ума дело, ещё чего случится с грузом, чем рассчитывать станешь? То-то и оно...

Вообще! Кореш Женька – зачетный мужик! Только он будто наперёд всё знал. Я уж, грешным делом, подумал, что он в курсе всего был. Ан нет. Не был он в курсе».

= 2 =

В тот злополучный рейс Валерка сунулся с поганым предчувствием. Тащит за спиной 20 тонн сигарет, а всю дорогу думку гоняет, что, мол, ещё три-четыре рейса – и можно домик в Калужской области купить. Так, как мечтал, с видом на реку. В «ридной нэньке» совсем перспектив нет. Желание перебраться из Украины в Россию на ПМЖ зрело в нём давно и крепло год от года.

Огни таможенного перехода вернули его к реалиям жизни. Тяжко выдохнув, он зарулил под шлагбаум. Холодный, цепкий взгляд сержанта-пограничника на КПП, и вот он уже встал в зону проверки таможенных документов на груз.

Процедура вязкая, нудная, да и в какой-то степени унижительная. Контингент на таможне ещё тот! Уж сколько раз инспекторов на взятках брали, а неймётся... Оно и понятно, кушать всем хочется.

На удивление Валерки, впереди него две фуры с молдавскими номерными знаками довольно быстро оформили, и те пошли дальше, сразу на выезд.

«Расторопная смена! Если так и меня выпустят, вообще красиво рейс сделаю!» – метнулись мысли в голове водилы.

Через таможенную он должен был идти на следующий день, но предельные обстоятельства толкали Валерку выехать раньше.

Месяц тому назад от таможенного перехода взял он пассажирку с ребёнком. Дрогнуло сердце мужика. Ребёнок – ровесница дочурки, да и мать её – весьма приятная в общении женщина. Так и познакомились. Он их к самому дому и привёз. От трассы километров десять в сторону. А уж после само собою всё пошло. На обратном пути, уже ближе к вечеру, подкатил прямо к дому Татьяны. Якобы куклу Марии завёз. Так и остался, после плотного ужина, на ночь. Тридцатилетняя Татьяна работала учительницей в школе. До чего же прикипел Валерка к ней. Думал, так, адюльтер. Но уже через три встречи понял, что дом его уже не в своём доме. А там, у Татьяны. Вот и спешил Валерка по зову сердца.

Инспектор внимательным образом изучал таможенно-брокерские документы, подозрительно примерял лупу, наводя её на печати. После чего вызвал старшего смены, и они сообща что-то изучали в бумагах.

Валерка неловко пошутил, мол, раз в неделю здесь хожу с грузом, может, даты в документах спутаны, так он готов

устранить недоразумение, расходные материалы на устранение всегда с собой.

– Давайте-ка автомобиль в зону досмотра.

– Чего? – в голову Валерке шибануло горячей волной.

– Автомобиль с грузом перегоняйте в зону досмотра.

– С документами непорядок?

– Водитель! Вы меня слышите? – старший смены смотрел на Валерку в упор, и в его взгляде Валерка уловил всю серьёзность ситуации. Молча развернулся и вышел в дверь.

Возле автомобиля стояли три военнослужащих в камуфляже. Один из них сел на пассажирское сидение, а двое сопровождали автомобиль, медленно двигавшийся по территории к досмотровому ангару.

«Писец! Это часов на десять!» – уныло думал Валерка. Загнав автомобиль в ангар, он присел на стул и стал терпеливо ждать. Досмотр должен проводиться в присутствии экспедитора, вот Валерка и маялся в неведении.

Уже шесть часов шёл досмотр. До десяти актов было составлено и подписано Валеркой. Акты эти были «черновыми», так их называли сами служители мытного дела. А уже на основании их оформляется основной акт проверки груза.

В ангар прибыл какой-то полковник и о чём-то тихо беседовал со старшим смены. После чего вышел к Валерке.

– Вы где груз получали?

– В Броварах...

– Странно, молодой человек! Очень странно. Вы, как я

понимаю, и водитель, и экспедитор. Всё в одном лице?

– Да, всё правильно.

– Груз, равно как и транспортное средство, задерживается до выяснения всех обстоятельств.

– А в чём, собственно, вопрос?

– Также, на основании закона Украины о перемещении транзитных грузов через нашу страну, лицо, ответственное за груз, задерживается.

Валерка как-то сразу обмяк. Ему стало страшно от свалившегося на него «счастья».

= 3 =

Гриша сидел в отдельном кабинете ресторана с древним, гордым названием «Ани».

Древний город, столица Анийского царства, что был разрушен турками-сельджуками ещё в IX веке. Только в памяти армянина это святыня.

Друг Гриши так и назвал ресторан, в котором, по сути, Гриша и основал свой офис. Звонок телефона вывел Гришу из задумчивости. Взяв трубку, он медленно поднёс её к уху.

– Я слушаю.

Сосредоточенное лицо сына армянского народа не выражало эмоций.

– Хорошо! Дай ему уйти. Триста? Раньше ты за сто отпустил! Хорошо! Это твой бонус!

Выключив телефонную трубку, он посмотрел на Женью-Бура, а после перевёл взгляд на Гену-Амбала.

– Ну, друзья мои верные! Рыбка попалась в сеть! «МАЗ» арестован, терпила на свободу просится. Полковник его сейчас отпустит за триста бакинских денег. Вот и пускай рыбка плывёт!

Гриша растянул губы в зловещей улыбке.

– Слушай, Гриша! – прервал молчание Гена-Амбал. – Так я не пойму замуты. Коли он его сейчас отпускает, денег-то мы за груз с кого возьмём?

– Бестолочь ты, Гена! – довольный собою, но намеренно сердясь, будто отец на нерадивое дитя, заявил Гриша. – Этот терпила своё дело сделал! Груз взял, в документах подвоха не увидел. Подпись свою поставил. Он теперь в страхе пребывает! Да и полковник ему такое сейчас нарисует. Разговор со страшилками, да и уголовная ответственность терпилу в ступор невероятный загонит. Тут ему наш служака и двинет тему о подписке, чтобы не арестовывать дурака, и всего-то за 300 баксов.

Амбал с Буром смотрели на Гришу во все глаза.

– Ну ты, босс, голова!

– Так этот чумахер, – продолжил Гриша, – к тебе, ну, к этой твоей бабе, – он ткнул пальцем в Бура, – прибежит. Если у него хоть капля мозга от страха останется. Он тебе позвонит, так сказать, доложит непосредственному начальнику. Вот ты ему и скажешь, чтобы он затаился, пока утря-

сём да косяки его разрулим. Спросишь его, есть ли место у него тихое, да куда он «упадёт», не расспрашивай. Он завтра проснётся и станет уже более трезво мыслить. Косяк его в документах! Женя, но это не главный козырь! Главный козырь, что он на сутки раньше через переход пошёл! Но ты ему пока не предъявляй его. На сегодняшний день ему вообще предъявлять не нужно.

– А с чего он раньше пошёл? – невпопад подал голос Гена.

Гриша посмотрел на Гену тяжёлым взглядом.

– Братан! Всё норм. Пошёл и пошёл... – тихо, но уверенно ответил Женя.

– Вот смотрю я на тебя, Гена, и думаю. Может, тебе отдохнуть пора? Вопросы неуместные задаёшь. Забыл главное правило толковища?

– Да нет, босс, я же ничего...

– На тебе, Гена, родня его. Пасти их денно и нощно. Всё! По этой теме пока табу. Ждём терпилу.

= 4 =

Валера был в полном раздрае. Полковник ему чётко дал понять, что всё ведёт на экспедитора, то бишь на Валерку.

«Как водитель ты работаешь на предприятие, а вот как экспедитор – ты по срочному договору, заключённому с этим предприятием от предпринимателя Деркача Валерия Ивановича. Так?»

Лихорадочно вертелись мысли в голове у Валеры. Вроде всё правильно, только Женя-Бур документы готовил, и вот этот договор тоже он. Ну да, он и надоумил, как всё сделать, чтобы экспедитором стать, нужно регистрироваться как предприниматель. Вот только непонятно одно, каким образом в сопроводительных документах погрузка в Польше была сделана. Аж в самом Гданьске? Вот и полковник чётко намекнул, что в течение трёх часов его не кинутся искать, и можно свалить по-тихому, пока как водитель. А уж если дойдут до экспедитора, поймут, что это одно лицо – всё! Пиши пропало. И позвонить никак. Нужно искать Женю-Бура.

300 долларов он сунул полковнику. Ну как сунул – обронил их на пол. Сам же вышел из кабинета и пошёл в сторону шлагбаума.

Показал пограничнику паспорт, тот, только увидев синюю книжку с трезубцем, махнул рукой и продолжил что-то горячо обсуждать с коллегой.

Валерка отошёл почти на километр от пункта, и только после этого стал голосовать транспорту, двигавшемуся в сторону города.

Прибыв в город, первым делом пошёл на городской междугородний телефон. Стал звонить по телефонным номерам, и только с третьего набора нашёл Женю. Поведав тому о произошедшем с ним злоключении, он понял, что сил совсем не оставалось.

Женя заверил Валерку, что срочно выезжает на таможню.

Но Валерке пока в город не возвращаться.

– Схоронись, пока всё не разрулим. Это какая-то подстава, скорее всего, от ментов. Будем сразу через Киев решать. Короче! Через три дня мне звони на этот номер.

Получив все инструкции, Валерка вышел на вокзальную площадь и принялся изучать расписание автобусов. Место, где схорониться, у него было, но вот как перебраться через границу? Он пошёл к таксистам. Эти барыги местных дорог точно знают, как и куда. Только деньги плати, да желательно такие, чтобы вкусно таксисту было.

Не сразу он нашёл человека, готового за 200\$ США перевезти мужика в Россию. Но таки нашёл, и через шесть часов уже был в доме у Татьяны.

Не рискуя с таксистом, вышел и отпустил того прямо на трассе, за 50 километров от населённого пункта. А уж дальше ловил проходящие автомашины, голосуя у кромки авто-трассы. Только зря это всё. Татьяна была в деле, и Женя уже на следующий день был в курсе, где прячется водитель-экспедитор.

Отправил Валерка телеграмму домой, что, дескать, пока ещё в России, сломалась серьёзно автомашина, стою в ремонте.

Через неделю у дома Татьяны остановилась белая «Волга». Из неё вышли трое. Это были Гена, Женя и Гриша. Татьяна дома не было, и Валерка смотрел телевизор да мысли в голове гонял.

Вошедшие в дом без церемоний сели кто на стул, кто в кресло. Валерка оцепенел. Впал в ступор и не мог сообразить, как его они нашли.

– Ну, что на связь не выходишь? – вдруг спросил Гриша.

– Так это... Телефон...

– Ну да... Телефон – это проблема.

– Где машина с грузом? – вцепился взглядом в Валерку Женя-Бур.

– На таможене.

– Какой таможене? Машина туда и не заходила!

– Как не заходила? – оторопел Валера.

– Вот тебе официальная бумага с таможенного поста, – Гриша кивнул Жене, и тот положил на стол лист формата А4, где чёрным по белому: «На Ваш запрос от ..., автомобиль марки «МАЗ», гос. № ..., таможенный пункт пропуска не пересекал...».

– Это как же так? – поднял Валера на Гришу глаза.

– Где автомобиль, и где груз? Ты чего? «Кидок» нам устроить решил? Живьём в землю закопаем! Где груз?

– Я не понимаю... Я...

Валера лежал в подполе со связанными руками.

Очнулся он от вспышки фотоаппарата. Это Гена сделал два снимка на моментальный «Полароид» и выбрался из подпола, с шумом грохнув крышкой.

Иван Владимирович смотрел на фотоснимки, что лежали перед ним на столе. Слезы стекали по его небритым щекам, и он ничего не мог с этим поделать. Фотографии внучки, как та идёт в детский сад, фотографии жены, фотографии невестки. Эти нелюди требовали возместить ущерб, принесённый им его сыном. Всё это было страшным сном, жестокой действительностью, абсолютным крахом.

Он в момент лишился всего имущества, что накапливал всю свою жизнь. Двух квартир, двух автомобилей, двух гаражей, садового участка. Вот теперь ещё и сына нет... Всё перевёл на каких-то людей. Всё! Он один сидел в комнате и не знал, что делать дальше. Жаловаться идти было некому. Страх за жизнь внучки, жены, невестки, а об этом ему было сказано, был решающим фактором во всей этой вакханалии, что вертелась в течение двух недель.

Валерка не объявлялся, и от этого было совсем немого-ту. Да и что он мог сделать? Шестидесятитрёхлетний пенсионер, а перед ним здоровые бугаи. Особенно его поразил тщедушный очкарик-нотариус: будто издеваясь, заявил, дескать, сделка оформлена по закону. Какому закону?

Всё плыло перед глазами, качалась комната, и он даже не в силах был встать и выйти из помещения. Через полчаса Иван Владимирович буквально выполз из комнаты в кори-

дор и вдоль стены шаркающей старческой походкой направился к выходу.

= 6 =

– Ну вот и всё! – в довольной улыбке расплывался в кресле Гриша.

Женя и Гена сидели у стола и внимательно слушали босса.

– «МАЗ» продан в Туркменистан. Деньги за сигареты пришли. Имущество терпилы продано. На круг мы имеем около 100\$ в тысячах. Тягач – отдельная статья. Оно и понятно, накладных расходов было много, но всё же... Пока падаем на дно. Деньги я у себя держу. По 10000 вы получаете сейчас, а я пока в белокаменной крутнусь. Есть там тема одна, но пока всё не проверю сам, дела не будет.

Женя и Гена взяли по пачке купюр со стола и вышли за дверь. Гриша плеснул себе в бокал коньяку и погрузился в тяжёлые думы.

Эпилог

Гриша погиб в автоаварии на трассе М-1 в 2002 году. Прихватило сердце прямо за рулём. Судьба остальных персонажей мне неизвестна.

Модест

Перестук колёс. Музыка путешествий. Проносящиеся мимо полустанки. Разговоры с попутчиками. Новые встречи. Знакомства. Непокойно на душе. Ещё с вечера вчерашнего дня закралось это непонятное чувство тревоги. Томно потягивает в левом подреберье и отдает в левую же руку.

«Возраст! Мать его...», – с тоскою подумал Модест Гальперин. Ему 50 лет, он человек без определенных занятий. Так сказать, прожигатель жизни. Фурункул на теле общества. Живет с трёх квартир, что по окраинам Москвы, сданных в аренду. Модесту хватает тех 175 тысяч, что он собирает ежемесячно. Сам же проживает в весьма приятном месте – в районе Свиблово. Там однокомнатная квартирка-студия, где он себя ощущает настоящим жителем большого города.

По жизни Модесту везло необычайно. Он закончил в середине восьмидесятых техникум по специальности... Господи, он и сам уже её не помнил. После службы в армии, еще советской, он пошел служить в милицию. А что, патрульно-постовая служба. Только вовремя перепрыгнул в участковые милиционеры. Там он и обрел первую свою «двушку». Ну, как приобрёл... Скорее намутил.

Повезло ему с начальством. Старушки помирали, дети не торопились прознать о своих родственниках. Квартиры не приватизированы. Ох и вертелся он меж местным паспорт-

ным столом, ЖЭКом да своим начальником. Нужно было всё держать под контролем. Вот реально, держишь одного правой рукой, другого левой. Деньги зубами передаёшь, ещё и успеть нужно языком своё оттяпать.хлопотно было, но опосля всё вернулось сторицей.

В тягостном раздумье протекал путь Модеста домой в Москву из Евросоюза. Поездом из Вильнюса, в купейном вагоне. Самолёты не терпел. Больше боялся, а вот поезд – это в нём вызывало чувство удовлетворения. Один-одинешенек. Тоска.

Сунув руку в дорожную сумку, он выудил на свет бутылку бренди. Крутнув крышку, уж хотел глотнуть, но передумал. Вздохнув, он шагнул из купе к проводнику за бокалом.

Латышский проводник – это не РЖД. Во всем чёткость и вежливость. Они смотрят так вежливо, что невольно понимаешь: вот же он – сервис! Коньячный бокал ему выдали без всяких проволочек.

Смакуя бренди, Модест смотрел перед собой. Чувство тревоги отступало ввиду принятого алкоголя. Это его и напугало. Интуитивно Модест чувствовал опасность сродни крысе. Между прочим, его так и называли сослуживцы – Крыса.

Несколько раз служба собственной безопасности разрабатывала его. Только всё тщетно. Он будто неким чутьём определял, когда будут краплёные деньги. Не велся на взятку, не принимал подношений. О нем слагали легенды. Вышел на

пенсию, то бишь в отставку, и просто пропал. Сказал, что уехал месяца на три в Карельский край, так сказать, отдохнуть. Вернулся через год. Купил квартиру в Свиблово и затеял там ремонт. Сам жил в Мытищах на съёмной квартире, так как московскую продал по сложной схеме, в счет новой в Свиблово. Дальше – больше! На деньги, что лежали на долгосрочном вкладе и приносили хорошие дивиденды, он взял «двушку» в строящемся доме, и деньги внёс ещё на этапе закладки фундамента. Авантюры не было. Он точно знал, что его дом построят. За ценой не постоял и получил конкретную информацию о застройщике из очень компетентного источника в мэрии Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.